

Шэнь Юй, видя мучения Янь Ся, неспешно произнёс: «Если скрывал это восемнадцать лет, значит, цели куда более высокие.»

Услышав это, Янь Ся велел Юнь Сяо разблокировать ему дар речи и сказал: «Сейчас я буду задавать вопросы, а ты отвечай. Расскажи, что это за «воздаяние долга», о котором ты говоришь.»

Янь Минчжоу вернулся в Область Янь, полный ярости. Его обманул автор письма. Он привёл своих лучших бойцов, но наткнулся на убийц трёхлетней давности, которые в чаще леса чувствовали себя как рыба в воде. Его отряд понёс тяжёлые потери, а он сам получил лёгкое внутреннее ранение.

Едва вернувшись, ему доложили о происшествиях в Павильоне Линфан. Его гнев закипел с новой силой: пока он отсутствовал, Цзя Нинчжи совсем обнаглела.

Ворвавшись в её покои, он почувствовал густой, сладковатый аромат. Янь Минчжоу знал о её страсти к составлению благовоний — пять лет назад она сменила рецепт. В былые дни, в минуты страсти, он хвалил её за это, но сейчас запах лишь подлил масла в огонь.

Услышав его шаги, Цзя Нинчжи не прекратила своё занятие. Макияж на её лице был едва заметен, только губы алели ярким пятном. В сочетании с её неземной красотой это делало её похожей на драгоценную картину.

— Хозяин павильона вернулся, — её голос звучал томно и соблазнительно. Увы, перед ней был лишь Янь Минчжоу, да и тот пребывал в бешенстве.

— Похоже, я слишком тебя баловал, — холодно бросил он. — Ты начинаешь забывать, что ты всего лишь отброшенная фигура.

Цзя Нинчжи на мгновение замерла, затем сказала:

— Как я могла забыть? Я помню, как наша семья разорилась, как за мной гнались кредиторы. Ты спас меня от гибели, и я всегда помнила эту милость.

Она сделала паузу, словно что-то припоминая:

— Тогда я была тяжело ранена, и ты нашёл мне врача. Потом пригласил ту загадочную целительницу под покрывалом, которая вылечила меня, не взяв ни гроша. Как я могу забыть вашу доброту?

Янь Минчжоу вдруг вспомнил те дни, много лет назад, когда он ещё не был сказочно богат, а был просто юношей с деньгами в кармане. Увидев бегущую Цзя Нинчжи, он влюбился с первого взгляда. Он заступился за неё, искал лекарства, потратил все свои сбережения, и лишь тогда появилась та девушка под покрывалом, сказав, что может спасти. Сначала он был безмерно благодарен, но потом его стала глотать злоба: почему она не появилась раньше? Если бы она пришла вовремя, ему не пришлось бы разоряться, не пришлось бы потом влачить жалкое существование и не встретил бы он девушку из семьи Ло. Она привела его в свой дом — тот поразил его роскошью и великолепием. Тогда он и потерял голову, женившись на младшей дочери Ло.

Цзя Нинчжи, наблюдая за его раздумьями, холодно усмехнулась, а затем продолжила:

— Ты был так добр ко мне, поэтому я не отказала тебе в утехах. От них родились наши дети.

Жаль, что ты выбрал богатство.

Янь Минчжоу не мог с этим поспорить. Хотя он любил Цзя Нинчжи, проведя несколько дней в доме Ло, он всё сильнее не желал возвращаться к прежней жизни. Так он и предал её.

Цзя Нинчжи продолжила:

— На самом деле я не так уж и зла. В конце концов, двоих детей я в состоянии вырастить и сама. Пока тебя не было, я варила вино и держала лавку. Жила бедно, но это была жизнь по душе — без борьбы, без убийств.

Янь Минчжоу не понимал, к чему она клонит. Её внезапное погружение в прошлое казалось странным. — Так что же ты хочешь сказать? — раздражённо спросил он.

Цзя Нинчжи наконец перешла к сути, и на её лице появилось выражение скорби:

— Та загадочная целительница была старшей дочерью семьи Ло. Она погибла в тех смутных временах, а младшая дочь умерла в твоём доме. Я вернула тебе долг за всё, что ты для меня сделал. Но её долг я вернуть обязана.

Янь Минчжоу наконец понял смысл её пространной речи и холодно рассмеялся:

— И как ты собираешься это сделать? Ты всего лишь женщина, запертая в женских покоях.

Цзя Нинчжи сохраняла спокойствие:

— Те врачи, которых ты нанимал для меня, не обманывали. Они действительно не могли вылечить мои раны.

Янь Минчжоу не понимал, зачем она снова возвращается к событиям многолетней давности, но тут услышал:

— У меня была не обычная болезнь. Потому и простые лекари не могли её распознать. Это было внутреннее ранение и отравление. Поэтому, вылечив меня, старшая дочь Ло лишила меня внутренней силы.

У Янь Минчжоу возникло дурное предчувствие, и он услышал, как его супруга произнесла:

— Но для некоторых вещей сила не нужна. Например, для денег. Или для ядов. Я не называла этого имени много лет. В мире рек и озёр меня зовут Чжи Шэн. Цзя Нинчжи — имя, которое я носила до ухода в Святой Орден. Имя Чжи Шэн, полагаю, тебе знакомо.

По спине Янь Минчжоу пробежал холод. Чжи Шэн — правая рука Секты Чжэюнь. Ходили слухи, что она вышла в мир ещё в юности, была жестока и беспощадна. Никто не видел её лица — все, кто видел, отправились на тот свет. Но у неё была привычка оставлять на телах увядшие маки. Потому в мире боевых искусств и сложили ту поговорку: «Белый мак на пепле качается, ночная лодка меж кувшинок мчится, закатные звёзды в реку падают, туман над горами безмолвствует». Первая строка как раз и описывала её жестокий почерк.

Она продолжила:

— Книгу украли я. Убийц трёхлетней давности и нынешних наняла тоже я. Правда, те, что были три года назад, оказались никудышными — ничего не сделали, только планы мои нарушили. Нынешние, честно говоря, тоже вам не опасны. А насчёт потерь... — она тронула

курильницу с благовониями, — тут я приложила руку.

Услышав это, Янь Минчжоу схватил её за горло:

— Противоядие!

Её лицо побледнело. Она взглянула на курильницу. У Янь Минчжоу закружилась голова, и он рухнул на неё. Её рука легла на его спину, и она вздохнула:

— Прах к праху, земля к земле. Все, кто остался сегодня в Павильоне Линфан, погрязли в грехах и не заслуживают прощения.

Глядя на занявшееся пламя и слушая крики снаружи, она подумала, что троим детям своим всё-таки изменила. Но, по крайней мере, она дождалась, пока они вырастут.

Многоярусные крыши, летящие черепицы, цветущая зимняя слива. В трактире рассказчик, то повышая, то понижая голос, завлекал посетителей.

Ещё несколько дней назад он живописал пожар в Области Янь, обративший в пепел миллионные богатства Павильона Линфан. Но нельзя же всё время твердить об одном и том же, и потому сегодня он перешёл к дворцовым делам. Впрочем, и они свелись к перечислению принцев да принцесс — удовлетворить любопытство слушателей можно, а вот углубляться не рискнёшь. Но и этого хватило Шэнь Юю и Янь Ся, чтобы понять расклад сил.

Затем речь зашла о важном событии в мире боевых искусств, и голос рассказчика стал таинственным:

— Уважаемые господа, в последние дни в мире рек и озёр случилось небывалое! Все ведают о семье Чэн, что ведёт за собой весь мир боевых искусств! И прежний предводитель Альянса Улинь, и нынешний — оба оттуда, да ещё и отец с сыном! Прежний предводитель, Чэн Му, своим мечом держал всю Поднебесную, на границах нечисть истреблял, в мире героев объединял. Его почитали и уважали бесчисленные мастера, прямо в предводители и возвели! А его сын, молодой господин Чэн, и вовсе — яблочко от яблони! Старый предводитель отпустил его в вольные степи, а тот в одиночку постиг технику меча Осенней Воды! В шестнадцать лет в мир вышел, за справедливость стоял, хоть и своевольничал порою, но сердце имел доброе! На Собрании боевых искусств всех мастеров победил и новым предводителем стал! Но, увы, небеса переменчивы. Семья Чэн шла по жизни столь гладко, что нашлись завистники! И вот, в одну из ночей, нового предводителя похитили! Силён он был, да отравлен оказался, и против множества рук и одной пары кулаков мало. Попался, значит. Теперь старый предводитель несметную награду за любую зацепку сулит. Эх, дела мира боевых искусств — миром боевых искусств и решаются!

Янь Ся сидел за столиком внизу, слушая. Подошёл слуга, и Янь Ся дал ему на чай. Шэнь Юй заметил:

— Похоже, мир сей и вправду сложен. Когда рассказчик закончил, они вышли из трактира. — Как думаешь, кто похитил предводителя Чэн Минъи? — спросил Шэнь Юй.

Янь Ся не слишком интересовался этими хитросплетениями, но от скуки он всё же решил выйти и послушать о делах мира. Он подумал: «Мир полон смятения. Где же найти ту тихую пристань, где можно жить в покое с Шэнь Юем?»

Шэнь Юй, видя его задумчивость, не стал настаивать.

Вернувшись во двор, они застали Юнь Сяо, уже хлопотавшую над ужином. Пришли Янь И и Янь Сьюань. За трапезой почти не говорили.

После ужина тишину нарушил Янь И:

— Ты всё ещё на нас сердишься.

<http://bllate.org/book/16277/1465398>